

Артур Марковский

(Варшава, Польша)

Доктор исторических наук,

Варшавский университет

E-mail amarkowski@uw.edu.pl

ORCID: 0000-0002-0788-8036

**Виктор Дятлов, Яна Гузей, Татьяна
Сорокина. Китайский погром.
Благовещенская „утопия” 1900 года
в оценке современников и потомков**

СПб.: Нестор-История, 2020, 203 с.

DOI: 10.31168/2658-3364.2021.1.12

В последние несколько лет гуманитарные науки обратились к исследованиям массового насилия по отношению к евреям. Ряд важных публикаций по этой проблеме принадлежат ученым из Польши [Pogromy 2018a; Pogromy 2018b; Pogromy 2019a; Pogromy 2019b; Markowski 2018], США [Hagen 2018; Koptein, Wirtenberg 2018; Zipperstein 2018; Vemporad 2019], Израиля [Mędykowski 2012], России [Миנדлин 2018] и Германии [Bergmann 2020]. Значение тематики *mass violence* по отношению к евреям стало особенно очевидно после публикации работы Яна Томаша Гросса «Соседи» [Gross 1999]. Этот вызвавший широкую дискуссию текст открыл новые перспективы исследования новейшей (и не только) истории Польши, или – шире – Европы. Исследования насилия по отношению к евреям в Российской империи, особенно труды Джона Клиера, концентрировались вокруг поисков ответа на вопрос о генезисе современных антиеврейских предрассудков и *de facto* пытались описать генеалогию Катастрофы [Klier 2011]. В таком же духе выдержана и работа Дарюса Сталюнаса, в которой автор ищет причины насилия в сложных национальных и этнических отношениях в литовских губерниях царской империи [Staliūnas 2015].

Этим же путем идут исследователи, занимающиеся другими империями. Нам уже многое известно о насилии по отношению к евреям в австро-венгерской Галиции. Благодаря работам Т. Бухена, Д. Уновского, М. Собоня и К. Стаутер-Холстед мы понимаем как общественные и

экономические, так и политические механизмы, приведшие к актам массового антиеврейского насилия [Buchen 2012; Klier 2011; Unowsky 2018; Soboń 2011; Stauter-Halsted 2005]. Однако, помимо работы Вернера Бергманна «*Tumulte, Excesse, Pogrome*», до сих пор не предпринималось попыток более широких сопоставлений, выходящих за границы отдельных государств. Более того, современные работы о преследованиях евреев подают тему коллективного насилия как своего рода следствие реализации социального конфликта [Grinberg 2002]. Можно признать, что принципиальным *novum* современного анализа коллективного насилия является его заметная связь с еврейскими исследованиями. Стоит обратить внимание на факт взаимного игнорирования более ранних исследовательских школ, восходящих к Тилли и Гуру [Tilly 2003; Gurr 1970], и новейших исследований, инициированных работой Гросса. Это явление вызывает беспокойство, оно особенно вредно для современных еврейских исследований и в целом для нашего понимания механизмов коллективного насилия, его обусловленности. Это признак замыкания в своей сфере исследования.

Все эти проблемы ярко отразились в недавно изданной книге «Китайский погром. Благовещенская „утопия“ 1900 года в оценке современников и потомков». Авторы этой книги – российские исследователи. В.И. Дятлов – признанный историк, специалист по истории миграций и процессов национального строительства, работающий в Иркутском государственном университете. Я.С. Гузей, исследователь младшего поколения, недавно защитила в Петербурге диссертацию, посвященную страху перед „желтой опасностью“ в Российской империи XIX – начала XX вв. Третий член авторского коллектива, Т.Н. Сорокина – историк из Омского государственного университета, специалист в области истории Азии XIX и XX вв. и истории китайской эмиграции в Восточную Россию на рубеже XIX–XX вв.

Взаимодополняющие опыт и исследовательские навыки авторской группы хорошо коррелируют друг с другом. В работе выделяется не только надежное, хотя и традиционное видение событийной истории, но и заметный поворот в направлении истории общественного сознания, его изменений и его значения для понимания «китайского погрома».

В книге повествуется о довольно известном в российской историографии событии. В связи с восстанием «боксеров» в Китае, начавшимся в 1898 г., возросло напряжение на российско-китайской границе. Летом 1900 г. в Пекине произошла резня христиан, а Благовещенск был обстрелян с китайской стороны Амура, в результате чего погибли пять человек. Среди жителей приграничья, особенно в Благовещенске, росло чувство страха, подпитываемое слухами и сообщениями о зверстве китайцев по отношению к христианам и серьезной угрозе нападения на город китайских войск. Результатом социальной напряженности стало

решение губернатора Грибского, опиравшееся на послание военного министра Куропаткина, о выселении китайцев из Благовещенска за Амур. 17 июля 1900 г. как минимум 3500 человек были высланы из города под конвоем казаков и представителей местного населения. По дороге часть отстававших от колонны китайцев по приказу местного пристава была убита топорами, остальных загнали в Амур, приказывая добираться вплавь до китайского берега и стреляя как по тем, кто отказывался заходить в реку, так и по плывущим в сторону Китая. В итоге погибли около 3 тыс. человек. Помимо этого акта зверства, нападения на китайцев имели место и в нескольких других частях Приамурского края. Имущество изгнанных из Благовещенска было разграблено местным населением.

В первой главе рецензируемой работы представлено положение китайского населения в Благовещенске. Оно составляло около 12% жителей города. Авторы единодушно указывают на его огромную роль в развитии экономики, в том числе в розничной торговле и услугах. Мигранты из Китая составляли основу экономической системы города, поставляя товары и предоставляя подавляющее большинство мелких услуг, обеспечивающих повседневное существование всех жителей. Разумеется, преобладающая роль китайцев в сфере товарообмена вызвала споры и конфликты. Вместе с пугающими сообщениями о ситуации в Китае лавинообразно нарастала неприязнь к китайцам. В общественном восприятии прежние торговцы овощами, строительные рабочие и носильщики начали превращаться в опасных людей, варваров, бандитов, воров и обманщиков. Авторы здесь указывают на характерный тип мышления властей, рассматривавших общественную ситуацию в городе и регионе с этнической точки зрения. В период политических (ситуация в Китае) и экономических трудностей представители гражданских и военных властей в регионе проявляли растущую неприязнь к китайцам. На практике государственная администрация сыграла огромную роль в создании так называемого «желтого вопроса», то есть в формировании социальных представлений, частью которых была «китайская проблема», а эмигранты из-за Амура становились опасным, нежелательным, чужим элементом экосистемы региона. Китайцы рассматривались как почва для роста бандитизма, азартных игр, контрабанды алкоголя и источник антисанитарии. Положение китайцев в Благовещенске, их социальная и экономическая роль и растущее отвращение жителей к этой группе в общих чертах напоминают статус и положение евреев в черте оседлости. Обе группы схожи тем, что они были заняты в сфере товарообмена, отличались от окружающего населения в религиозном и культурном смысле и поддерживали прочные социальные внутригрупповые связи¹. Различия же между ними состоят в том, что евреи были эндемичной

¹ См. об этом статью Товы Бенжамин в этом номере журнала.

группой, веками проживающей на территории, «зараженной» насилием, а китайцы – эмигрантами из соседней империи.

Во второй главе авторы детально описывают главный «погром». Они указывают точную последовательность событий и показывают поведение и решения людей, вовлеченных в процесс массового убийства. Скрупулезно, почти час за часом, они прослеживают ситуацию колоссального напряжения и ряд плохих решений и упущений, допущенных российскими властями на пути к описываемой трагедии. Хотя описание здесь исключительно точное, так как содержит попытку объективизации действий, мы не узнаем здесь ничего особенно нового. Реконструкция хода событий с использованием в основном источников из прессы противоречит всей идее книги, которая ориентирована не столько на описание того, что произошло, сколько на процесс создания знания об этой трагедии и ее использования различными политическими акторами.

В следующих частях работы авторы все-таки будут вскрывать предвзятость прессы или даже журналистские манипуляции. Подобная процедура часто просматривается в работах, посвященных антиеврейскому насилию. Настойчивая попытка воссоздать события часто делается на основе источников, которые по своей природе склонны к вымыслу (пресса) и должны использоваться скорее для дискурсивного, а не фактографического исследования [Żyndul 1994].

Третья глава определенно носит новаторский характер и очень интересна, поскольку она касается анализа нарратива о «китайском погроме», создаваемого и распространяемого российскими властями. Основным достоинством этой главы является акцент на подробном исследовании документов, созданных российскими властями, и двусторонний анализ, проводимый с точки зрения как содержания, так и риторики, используемой официальными лицами и представителями силовых структур. Авторы указывают на попытку маргинализации и преуменьшения значения событий со стороны властей. Акт массовой агрессии, произошедший в Благовещенске, был расценен российскими чиновниками как случайная ошибка и непреднамеренная трагедия. Были предприняты попытки устранить контекст, связанный с антикитайскими настроениями, и объяснить некомпетентность и произвол принимавших решения лиц сложной организационной ситуацией и реальной опасностью высадки китайского десанта, а также угрозой поддержки этих военных действий местными китайскими эмигрантами. Также и в этой части очевидно сходство с анализом, посвященным насилию против евреев. Тщательное критическое изучение официальных документов часто приводит не столько к реконструкции событий, сколько к пониманию позиции аппарата власти и контроля [Klier 2011; Markowski 2018].

В четвертой главе книги представлена картина событий, как ее запомнили и передали свидетели. Сообщения местных журналистов, интеллигенции, а также (в меньшей степени) наблюдателей из низших слоев указывают не только на дифференциацию позиций, но и на явное социальное разделение в оценке трагедии. В этом процесс построения социальных представлений, описанный авторами, поразительно похож на тот, который имеет место в описаниях еврейских погромов. Высшие общественные слои осознавали масштаб трагедии и пытались найти этому объяснения. Они часто видели тот глубокий отпечаток, который «погром» оставил в общественном сознании. Вместе с тем не хватает глубокого анализа реакции так называемых простых людей (рабочих, лавочников), которые наверняка получили материальную выгоду, присваивая имущество, оставленное убитыми китайцами. Естественно, здесь трудно делать общие выводы, ибо обычно «простые люди» оставляют после себя мало исторического материала, а то, что доступно, видоизменено редакторами и требует тонких инструментов для интерпретации. Интересным элементом этой главы является анализ фактов культуры, включая местные песни. Такой подход не часто используется в исследованиях антиеврейского насилия. Скудность источников и приоритет необходимости реконструкции над проблемой понимания часто побуждают авторов, пишущих о еврейских погромах, преуменьшать значение источников, которые обычно используются в исследованиях по истории культуры.

Следующая глава явно связана с предыдущей. В ней представлены результаты исследований российского общественного мнения о Благоевщенском погроме. Анализируя присущий российской прессе дискурс, авторы не забывают о контексте, который придавали этому делу проблема антисемитизма, погромы, дело Дрейфуса во Франции и дело Бейлиса. Они ясно указывают на огромную роль национализма и сложившиеся типы мышления российской интеллигенции в области национальной политики империи. Как и в исследованиях Сталюнаса, Уновского или Бухена, идеологическая и политическая сфера играет ключевую роль в понимании причин и их восприятии. Как утверждает Ханна Заремская в исследовании о еврейских общинах в средневековой Польше, суть заключалась, прежде всего, в том, как иерархическое общество откликнулось на акты антиеврейского насилия [Zaremska 2011].

Именно идеологическая сфера повлияла на форму сообщений и определила объем знаний, которые распространялись о трагедии в Благоевщенске. Печальное завершение этой главы – выводы, свидетельствующие о явном процессе забвения трагедии на границе с Китаем. Здесь дается два объяснения: общественное мнение не признавало эти драматические события важными или не видело необходимости в формировании более широкой реакции на них.

Следующая глава посвящена категории исторической памяти и описывает результаты исследований более ранней историографии и исторической журналистики, затрагивающих драматические события в Благоевщенске. Результаты этих исследований указывают на процесс забвения на фоне других трагедий XX в. Авторы подчеркивают не только проблему исторической памяти как определенного хранилища знания, но и открыто обсуждают гораздо более глубокую проблему социального и этического характера – ответственности. Они ставят вопрос о соотношении этих двух категорий и о функции историографии при рассмотрении вопроса о наследии зла. Как и в послевоенных дебатах после Едвабне², подчеркиваются нравственные принципы, которым должна соответствовать современная историография, и благодаря этой главе книги работа специалистов-историков становится важным элементом построения общества, открытого для знания.

Последняя глава посвящена анализу риторики сообщений. Здесь содержится ряд выводов, касающихся как языка, так и форм выражения и риторических инструментов. Культурологический анализ, являющийся своего рода резюме той части книги, где обсуждается проблема общественных представлений и средств, с помощью которых они формировались, во многом опирается на литературоведческие исследования насилия периода Второй мировой войны и реакции литературы на бесчеловечность Холокоста. Этот анализ сочетается с глубоким осмыслением психологических мотивов и механизмов преступления в Благоевщенске. В этой части также очень заметно существенное сходство с исследованиями еврейских погромов. Здесь вновь возникает понятие ответственности, на этот раз – в контексте значения действий государства и его должностных лиц как той структуры, которая несет ответственность не только за безопасность населения, но и за политику памяти и построения с ее помощью системы образования. Эта система понимается в книге как инструмент противодействия трагедиям коллективного насилия.

С точки зрения исследовательской оптики, книга «Китайский погром» непосредственно связана с опытом изучения антиеврейских погромов. Хотя авторы не приводят в сносках весь богатый спектр работ в этой области, читатель может легко найти сходные исследовательские инструменты, постановку вопросов и контексты интерпретации. Новшество, почерпнутое из иудаики, – это маргинализация вопроса о преступниках и виновниках (это известно из других, более ранних публикаций) и акцентирование вопроса об управлении знанием, о механизмах построения «нарратива», а также масштаба и области его политического

² Местечко в Польше, жители которого уничтожили евреев еще до прихода в него нацистов. Едвабне является главной темой вышеупомянутой работы Гросса «Соседи».

и общественного использования. Книга хорошо вписывается в область исследования общественных представлений, и в меньшей степени – в стандартное «социологическое» направление исторических исследований насилия. Это новый и очень редкий подход в российской историографии, и в этом видится ценность и значение данной работы. Авторы интересным образом приложили опыт из области еврейской истории и стимулы, порожденные недостатками классических исследований антиеврейского насилия, к попытке переосмыслить уже хорошо известную в российской историографии проблему, хотя, как и все истории о погромах, – противоречивую и до сих пор вызывающую споры по вопросам причин, вины и ответственности.

Такое приложение опыта, безусловно, полезно и перспективно, ибо оно не только позволяет применить новый взгляд и таким образом частично интегрировать иудаику в область исследований истории Российской империи, но и представляет собой своего рода тестирование методов, которые пока ограничены областью иудаики. Книга убедительно доказывает, что исследования иудаики прошли это тестирование, более того, указывает на большой потенциал методов, разработанных в области изучения еврейской истории и культуры. До сих пор такие приложения опыта шли в обратном направлении.

Рецензируемая работа также указывает на существование общих и очень сходных механизмов как в осуществлении актов коллективного насилия, направленных против конкретной группы населения, так и в формировании общественных представлений о них. Обнаруживается, что социальные и политические обстоятельства играют фундаментальную роль в программировании этих механизмов, а категория массовых жертв отодвигается на второй план. Такой вывод, безусловно, является спорным с точки зрения исследователей иудаики, которые постоянно стремятся к обнаружению индивидуальности и уникальности объектов их изучения.

Однако книга не лишена недостатков. Возможно, наиболее важным из них является отсутствие голоса жертв. Исследователи не приложили усилий для поиска и анализа китайских источников на уровне не только верификации событий, но, прежде всего, формирования общественных представлений. Это существенный недостаток. Он не обязательно является результатом исключительно технических проблем (знание языка, доступность источников), но может быть (что еще более прискорбно) отражением позиции исследователей, замкнутых в парадигме российской истории и рассматривающих проблему только в этой перспективе. Такого рода «исторический империализм» обрекает читателя на незнание и делает проблему лишь наполовину рассмотренной. В книге нет анализа, указывающего на наличие или отсутствие связи между китайскими и русскими версиями событий. Мы узнаем из вторых рук и неточно мне-

ние самих китайцев, а голос пострадавших, вопреки тенденциям историографии, посвященной социальным проблемам, просто игнорируется. В этом отношении книга, к сожалению, фактически противоположна достижениям еврейских исследований. Одна из особенностей изучения иудаики, которую следует применять более широко, – это предельное расширение субъектности исследуемой группы.

В книге ясно указаны методологические стимулы. Во введении авторы ссылаются на книгу «Соседи» Гросса, но нигде не излагают свою методологическую позицию, не уточняют, какие инструменты используют и почему решили рассмотреть поднятую проблему именно тем, а не иным образом. Проблема общественного сознания в работе отсутствует. Она скрыта в форме исторической памяти, анализа языка, дискурса и повествования. Хотя книга более чем соответствует требованиям, которые могут быть предъявлены к работам из области исследований, столь мощно развитой Брониславом Бачкой [Baczko 1994].

Авторы не воспользовались и возможностью более решительно вступить в дискуссию с рядом работ, посвященных другим случаям коллективного насилия. Сравнительные аспекты, иногда относящиеся к еврейским погромам, исчезают среди описаний результатов исследований более мелких и детальных вопросов, как, например, отношение местных властей или потенциал события, оцениваемый с точки зрения общественного мнения.

Авторы «Китайского погрома», основываясь на результатах исследований как в области иудаики, так и на более ранних работах по коллективному насилию, имели возможность указать универсальные механизмы, лежащие в основе возникновения актов массового насилия, и показать схему построения знания о таких событиях, т.е. *de facto* создания исторических легенд. Они не воспользовались этой возможностью.

Несомненно, книга Дятлова, Гузей и Сорокиной – важное событие не только в области исторических публикаций в России. Однако кажется, что сами авторы недооценили ее значение и важность. Этические мотивы (память и покаяние), которые они иногда раскрывают в отдельных частях произведения, не должны заслонять значение книги в более широком контексте. К сожалению, отсутствие этого понимания или нежелание раскрывать заимствование методов не позволят читателям, менее осведомленным о еврейской истории, самостоятельно оценить феномен восприятия идей и исследовательской оптики не только из «старых» областей (история) к новым (иудаика), но также (причем с успехом) – в обратном направлении.

Перевод с польского В. Мочаловой

Библиография

- Миндлин 2018 – *Миндлин А.* Антиеврейские погромы на территории Российского государства. СПб.: Алетейя, 2018.
- Baczko 1994 – *Baczko B.* Wyobrażenia społeczne. Szkice o nadziei i pamięci zbiorowej. Warszawa, 1994.
- Bemporad 2019 – *Bemporad E.* Legacy of Blood: Jews, Pogroms, and Ritual Murder in the Lands of the Soviets, Oxford 2019.
- Bergmann 2020 – *Bergmann W.* Tumulte, Excesse, Pogrome. Kollektive Gewalt gegen Juden in Europa 1789–1900. Göttingen, 2020.
- Buchen 2012 – *Buchen T.* Antisemitismus in Galizien. Agitation, Gewalt und Politik gegen Juden in der Habsburgermonarchie um 1900. Berlin, 2012.
- Grinberg 2002 – *Grinberg D.* Problematyka przemocy związanej z tzw. erą przemysłową (Industrial Age) w perspektywie Nowej Historii Społecznej oraz socjologii historycznej // Człowiek i agresja. Głosy o nienawiści i przemocy. Ujęcie interdyscyplinarne. Warszawa, 2002. S. 154–172.
- Gross 1999 – *Gross J.T.* Sąsiedzi. Historia zagłady żydowskiego miasteczka. Sejny, 1999.
- Gurr 1970 – *Gurr T.R.* Why Men Rebel. Princeton, 1970.
- Hagen 2018 – *Hagen W.W.* Anti-Jewish Violence in Poland, 1914–1920, New York, 2018.
- Klier 2011 – *Klier J.D.* Russians, Jews, and the Pogroms of 1881–1882. Cambridge, 2011.
- Kopstein, Wirtenberg 2018 – *Kopstein J., Wirtenberg J.* Intimate Violence: anti-Jewish Pogroms on the Eve of the Holocaust. Ithaca, NY, 2018.
- Markowski 2018 – *Markowski A.* Przemoc antyżydowska i wyobrażenia społeczne, pogrom białostocki 1906 roku. Warszawa, 2018.
- Mędykowski 2012 – *Mędykowski W.* W cieniu gigantów. Pogromy 1941 r. w byłej sowieckiej strefie okupacyjnej. Warszawa, 2012.
- Pogromy 2018a – Pogromy Żydów na ziemiach polskich w XIX i XX wieku. T. 1. Literatura i sztuka / Red. S. Buryła. Warszawa, 2018.
- Pogromy 2018b – Pogromy Żydów na ziemiach polskich w XIX i XX wieku. T. 2. Studia przypadków (do 1939 r.) / Red. K. Kijek, A. Markowski, K. Zieliński,
- Pogromy 2019a – Pogromy Żydów na ziemiach polskich w XIX i XX wieku. T. 3. Historiografia, polityka i recepcja społeczna / Red. K. Kijek, A. Markowski, K. Zieliński. Warszawa, 2019.
- Pogromy 2019b – Pogromy Żydów na ziemiach polskich w XIX i XX wieku. T. 4. Holokaust i powojnie / Red. A. Grabski. Warszawa, 2019.
- Soboń 2011 – *Soboń M.* Polacy wobec Żydów w Galicji doby autonomicznej w latach 1868–1914. Kraków, 2011.
- Staliūnas 2015 – *Staliūnas D.* Enemies for a Day. Antisemitism and Anti-Jewish Violence in Lithuania under the Tsars. Budapest–New York, 2015.

- Stauter-Halsted 2005 – *Stauter-Halsted K.* Jews as Middleman Minorities in Rural Poland, Understanding the Galician Pogroms of 1898 // *Antisemitism and its Opponents in Modern Poland* / Ed. R. Blobaum. New York, 2005. P. 39–59.
- Tilly 2003 – *Tilly Ch.* The Politics of Collective Violence. Cambridge, 2003.
- Unowsky 2018 – *Unowsky D.* The Plunder. The 1898 Anti-Jewish Riots in Habsburg Galicia. Stanford, 2018.
- Zaremska 2011 – *Zaremska H.* Żydzi w średniowiecznej Polsce. Gmina krakowska. Warszawa, 2011.
- Zipperstein 2018 – *Zipperstein S.* Pogrom: Kishinev and the Tilt of History, New York–London, 2018.
- Żyndul 1994 – *Żyndul J.* Zajścia antyżydowskie w Polsce w latach 1935–1937. Warszawa, 1994.

Victor Dyatlov, Yana Guzei, Tatiana Sorokina. Anti-Chinese Pogrom. Blagoveshchensk "Utopia" of 1900 in the Opinion of Contemporaries and Descendants

Artur Markowski

Dr.hab., associate professor, Institute of History University of Warsaw

E-mail amarkowski@uw.edu.pl

ORCID: 0000-0002-0788-8036

References

- Baczko B., 1994, *Wyobrażenia społeczne. Szkice o nadziei i pamięci zbiorowej.* Warszawa.
- Bergmann W., 2020, *Tumulte, Excesse, Pogrome. Kollektive Gewalt gegen Juden in Europa 1789–1900.* Göttingen.
- Klier J.D., 2011, *Russians, Jews, and the Pogroms of 1881–1882.* Cambridge.
- Markowski A., 2018, *Przemoc antyżydowska i wyobrażenia społeczne, pogrom białostocki 1906 roku.* Warszawa.